

«САНДИ ТЕЛЕГРАФ МЭГЭЗИН», ЛОНДОН.

12 ОКТЯБРЯ, в день, когда Лучано Паваротти исполнилось 62 года, вышел его новый компакт-диск — сборник самых известных музыкальных произведений в исполнении великого итальянского тенора, и хотя он состоит практически из старых записей, все равно диск будет продаваться миллионными тиражами. Вот чем прелестно быть Паваротти.

Тоска, согретая солнцем

ИЗ ОКНА отеля в Пезаро открывается вид на старое поместье Паваротти — то самое, которое он недавно перестроил и назвал в честь своей бабушки вилла «Джулия». Оно расположено на живописном склоне поросшего лесом холма, возвышающегося над бухтой Байя Фламиния с песчаным пляжем, переименованной благодарными местными властями в бухту Паваротти. Стоит солнечная и теплая погода, однако чувствуется дыхание осени. На пляже нет ни души, прибрежные кафе опустели, бело-голубые зонтики от солнца сложены и вместе с лежаками убраны до следующего сезона. Пезаро — небольшой городок на

Лучано Паваротти:

Адриатике — знаменит тем, что в нем родился Джоаккино Россини. В память о великом композиторе здесь ежегодно проводится музыкальный фестиваль. Это место также славится и как современный морской курорт, оживающий к середине жаркого лета.

Обычно на вилле «Джулия» Паваротти проводит только август. Остальное время он живет в Монте-Карло, в своей нью-йоркской квартире или в доме под Моденой, у себя на родине. Однако в этом году певец задержался в Пезаро дольше обычного. Тишина городка должна помочь залечить душевную рану, которую нанесла ему трагическая гибель принцессы Дианы. Об этом жутком происшествии Паваротти узнал в Модене, куда приехал на финал соревнований в принадлежащем ему конно-спортивном центре.

Чтобы сдержать обещание, данное раньше, певец появился в тот же день на ипподроме, но по всему было видно, что на душе у него тяжело. «Он надел темные очки, ни с кем не разговаривал и выглядел невероятно опечаленным», — сообщалось в местной газете. — Он лишь поздоровался с участниками и сразу же прошел в свой ресторан». В этом ресторане хранится фотоальбом, посвященный визиту принцессы в Модену в 1995 году. Тогда она приехала на благотворительный концерт классической и популярной музыки, ежегодно устраиваемый Паваротти перед началом Международной конноспортивной выставки. Вспоминают, что принцесса отведала в ресторане певца жареных пончиков со сливовым соусом (одно из фирменных блюд), а потом обедала здесь. Теперь Диане уже никогда не суждено приехать в Модену.

Мир на холме

ВПРОЧЕМ, вернемся в Пезаро. Согретый теплым осенним солнцем городок тоже хранит свои исторические воспоминания о титулованных особах. В 1817 году другая принцесса Уэльская — Каролина Брунсвикская, изгнанная своим мужем, будущим королем Георгом IV, из Лондона, нашла здесь приют на вилле «Каприли», расположенной по другую сторону того холма, на котором сегодня стоит вилла Паваротти. Она намеревалась прожить в Пезаро до конца своих дней вместе с Бартоломео Пергами — любовником-итальянцем; но когда ее муж в 1820 году стал королем Англии, она все же вернулась в Лондон в надежде, что будет коронована вместе с ним в Вестминстерском аббатстве. Но двери аббатства захлопнулись в буквальном смысле прямо перед ее носом.

Каролина приняла живейшее участие в восстановлении старого театра в Пезаро и присутствовала на его открытии, где был и Россини, ставший в 23 года знаменитостью и специально приехавший из Неаполя. Она пригласила Россини к себе домой на обед, но тот резко отказался, весьма неудовлетворительно объяснив, что страдает ревматизмом и поэтому не может ей кланяться, как того требует протокол. После такого оскорбления принцесса навсегда зарек-

«Стакан наполовину полон, даже если наполовину пуст»

лас посещать театр, когда в нем исполнялись музыку Россини.

Паваротти же большой почитатель Россини. И не только потому, что, как и тот, отличается громадными размерами и страстием к еде. Паваротти искушенный повар, а Россини даже составил поваренную книгу, назвав самое замысловатое блюдо своим именем.

Чтобы попасть на виллу «Джулия», нужно ехать вдоль берега бухты Паваротти, пока не доберешься до деревянных ворот, открывающихся с помощью электронного дистанционного управления. Когда они гостеприимно распахиваются, перед въезжающими появляется ухоженная дорога, которая, пропетляв по склону холма, приводит к дому. Этому скромному старинному поместью Паваротти придал более современный вид, покрыв стены дома ослепительно белой штукатуркой, пристроив к нему террасу с арками и найдя место для великолепного плавательного бассейна. Остальные новые комнаты, включая собственную спальню Паваротти, пристроены со стороны холма за домом и буквально врезаются в него. В книге «Мой мир» — второй автобиографии, опубликованной в 1995 году, — Паваротти упоминает о ежегодном отдыхе в Пезаро как о «замечательном ленивом и расслабляющем времяпрепровождении». Но он также признает, что в его дом потоком идут посетители. Вот что он пишет о том, как здесь встречают

гостей: «Если в Пезаро прибывают друзья или знакомые, журналисты или студенты, все они обычно проделывают долгий путь. А уж если они пустились в дорогу, чтобы увидеться со мной, я должен пригласить их за свой стол». Паваротти расхваливает свою экономку Анну как исключительно хорошую кухарку.

Королева его сердца

ОДНАКО по всему видно, что нынешней осенью Паваротти стремится избежать шумных компаний. Сейчас его чаще можно увидеть одиноко сидящим за садовым столом. Он смотрит на море. Единственное яркое пятно в этой безрадостной картине — любимая певцом цветастая гавайская рубашка. Голова маэстро низко опущена, подбородок спрятался в белый шейный платок, и все его тело как-то безвольно обмякло в кресле. В такие дни помощник предупреждает визитеров: «Очень жаль, что вы видите его именно сегодня, — и добавляет,

понижая голос: — Он совсем на себя не похож. Обычно он искрится весельем, а сегодня практически не хочет разговаривать».

Паваротти обожал Диану. «Принцесса была самой славной из всех людей, которых я знал, — говорит он. — Для меня она — идеал современной женщины, приятной в общении, интеллигентной и с величественными манерами. Я не понимаю, куда они мчались, от кого бежали. Если человек едет в центр Парижа пообедать, он должен знать, что его обязательно кто-то увидит. У меня в голове не укладывается, зачем им нужно было ехать на такой скорости — разве что они подумали, что их собираются захватить в заложники».

Паваротти также симпатизирует принцу Чарльзу. «Уверен, что сейчас он страдает. Я видел его плачущим». Интересно, где это он мог видеть плачущего принца Чарльза? Но спрашивать у маэстро явно неудобно.

Судя по книге Паваротти, можно сделать вывод, что сам он легко мирится с теми неудобствами, которые приносит слава. Он даже пишет, что получает удовольствие от общения с незнакомыми людьми, поскольку любит всяческие неожиданности. Он никогда не устает раздавать автографы. Даже находясь на отдыхе в Пезаро, он всегда сам опометью кидается к телефону, чтобы ответить на звонок. Он рад тому, что со своего любимого места на террасе может видеть толпы визитеров. «Я могу и иметь свою частную жизнь, и ощущать себя частичкой человечества», — пишет он в автобиографии «Мой мир». «Я — обычный человек, — объясняет он. — Мои действия и поступки можно обсуждать. Оберечь мою частную жизнь для меня не так уж и важно. Если я хочу уединения, я иду туда, где оно возможно. Я никогда ни от кого не

Принцесса Диана всегда была для него идеалом женственности.

пытаюсь спрятаться». Впрочем, и он не избежал неприятностей с папарацци, когда только начал появляться в обществе со своей юной подружкой Николеттой Мантовани (вот она рассказывает по террасе и тихо разговаривает с кем-то по мобильному телефону).

«Да, это был трудный период, — признается маэстро. — Но мы никогда не прятал-

лись. Потому что наши отношения были серьезными, и я уже порвал со своей женой (Адуей, матерью его трех дочерей). Но дело обстояло не так, будто жена выгнала меня из дому за то, что у меня появилась Николетта. Все было по-другому. Еще десять лет назад мы с Адуей решили, что разойдемся. И это решение оставалось в си-

Паваротти у себя дома в Пезаро в 1993 году.

ле до тех пор, пока не настал день, когда мы и в самом деле расстались».

Учитель жизнелюбия

ПАВАРОТТИ любит повторять, что стал звездой с самого раннего детства из-за удивительного обстоятельства: в многоквартирном жилом доме для рабочих, в Модене, где жили его родители и еще пятнадцать семей, он был единственным мальчиком среди множества девочек. «Когда я родился, — вспоминает он, — моей матери не исполнилось и двадцати лет, бабушке было тридцать восемь, а прабабушке — всего пятьдесят шесть. С нами в квартире жили еще две мои тетки. Так что я с самого рождения был обречен на всеобщее внимание». Хотя сам певец разменял седьмой десяток, оба его родителя живы и по сей день — он и здесь окружен любовью. Неудивительно, что взрослый ребенок так уверен в себе и счастлив.

На вопрос, может ли что-нибудь заставить его прекратить петь, он отвечает как обыкновенный человек: «Я никогда не выйду на сцену, если мое моральное состояние будет подавленным. Для того чтобы петь, нужно хотеть жить». Но, правда, затем следуют слова профессионала: «Я пою, потому что это замечательно. Что бы я делал, если б не пел?»

Рассчитывает ли он отказаться от выступлений на оперной сцене, которые приносят намного меньший доход и требуют куда большей затраты сил, нежели публичные концертные выступления? Нет, он не собирается этого делать. «В опере выражаешь себя наиболее полно, — говорит он. — Я чувствую, что приношу людям добро, а это прекрасно — осознавать, что даришь кому-то положительные эмоции в то время, когда в мире все так непросто. Наш мир должен научиться быть более жизнелюбивым». Как же так? Ведь оперы бывают подчас очень печальными и проникнуты пессимизмом; могут ли они научить оптимизму? «Нет-нет, — возражает он, — музыкальная информация никогда не бывает печальной, даже если она повествует о трагедии».

В этом и состоит его цель — донести оперную музыку до широких масс, чтобы вдохнуть в них бодрость. «Не только оперную, — уточняет он, — а музыку вообще. Мне хочется развлечь людей, заставить их забыть на время о назойливых, негативных, вредоносных событиях, которыми изобилует окружающая действительность. Ими полны все газеты, каждый телевизионный канал. Нас заставляют по сто раз на дню смотреть кровавые бои. Мне это не по душе. Этот мир мне не нравится. Надеюсь, что он переменится».

А как? «Очень просто. Нам нужно иметь десяток новых газет, которые бы освещали

Маэстро с Николеттой Мантовани (май, 1997 год).

события только с положительной точки зрения. Одна могла бы начать в таком духе хоть с завтрашнего дня — только положительные эмоции. Я уверен: если человечество хочет спасти себя, оно должно это делать. Иначе нам грозит участь превратиться в самых ужасных зверей».

Его слова звучат не слишком-то оптимистично, но он настаивает, что думает именно так. «Я знаю, мир обязательно станет меняться к лучшему». Теперь он указывает на свой бокал с водой, стоящий на столе. «Сегодня человек посмотрит на этот стакан и подумает будто он наполовину пуст; а нужно, чтобы все увидели, что он наполовину полон. Такова моя мечта. В любом случае, я оптимист, а когда думаю, что мир может стать лучше, то становлюсь еще большим оптимистом. Надеюсь, так и будет».